

Глава 7: Я оставляю его себе

Они уже дошли до двери главной спальни, когда Шэнь Шиянь, неся Шэнь Ци на руках, вдруг остановился.

Немного подумав, он развернулся и пошёл к маленькой комнате Шэнь Ци.

С тех пор как они переехали в боковой двор, это был первый раз, когда Шэнь Шиянь зашёл туда. Он включил свет и уложил Шэнь Ци на кровать. Кончики длинных волос Шэнь Ци прилипли к одежде Шэнь Шияня, и, когда тот отстранился, между ними тихо щёлкнуло статическим электричеством. Комната оказалась неожиданно чистой и аккуратной — похоже, Шэнь Ци сам всё прибрал. Несколько комплектов одежды, которые принесла служанка, были аккуратно сложены в маленьком открытом шкафу. На тумбочке у кровати стояла кружка — немного старая, с мультяшным рисунком.

Шэнь Шиянь пригладил волосы и спросил:

— Почему ты ничего не сказал, пока писал? Сильно болело?

Глаза Шэнь Ци были полуприкрыты, в животе волнами подступала тошнота. Он с трудом подавил это чувство, и слабым голосом ответил:

— Очень болело, папочка.

Последние слова прозвучали чуть тягуче, с лёгким оттенком обиды и кокетства, мягко вползая Шэнь Шияню в уши.

— Мм, — сухо откликнулся он и вышел искать лекарство, хотя особой надежды не питал.

Боковой дворик привели в порядок в спешке, чтобы в нём можно было жить; здесь не хватало даже мелкой бытовой техники, не говоря уже о самых обычных лекарствах. Служанка уже ушла отдыхать. Шэнь Шиянь перерыл ящики и шкафчики, но ничего не нашёл.

Он вздохнул, вернулся в комнату, взял кружку Шэнь Ци, налил в неё горячей воды и принёс обратно.

Эту маленькую жёлтую керамическую кружку с медвежонком Шэнь Ци очень любил. Но если бы он знал, что это кружка, которую в детстве оставил Шэнь Жун — когда бегал по дому, а служанка носилась за ним, поя его водой, — и просто забыла забрать, он бы тут же разбил её вдребезги.

Стенки у кружки были толстые. Шэнь Ци держал её за дно и почти не чувствовал жара. Он

опустил голову и сделал глоток. Пар поднимался к его бледноватому лицу. Горячая вода обожгла губу, он дёрнулся и пролил ещё немного. Небольшое пятно на руке тут же покраснело.

Шэнь Шиянь сразу же забрал у него кружку и поставил её на тумбочку. Достав салфетку, он вытер воду с руки Шэнь Ци, крепко нахмурившись.

— Прости, папочка.

Шэнь Ци опустил голову. Из-за боли ему стало непривычно тоскливо.

Он посмотрел на два маленьких мокрых пятна на одеяле, потом почувствовал, как кровать чуть прогнулась. Лёгкое прохладное дыхание коснулось его руки.

Медленно подняв голову, он увидел, как Шэнь Шиянь, неловко отведя взгляд, осторожно дует в кружку. Вода внутри, словно крошечное озеро, расходилась кругами.

Когда Шэнь Шиянь решил, что вода уже достаточно остыла, он поднёс кружку к губам Шэнь Ци, всё ещё хмурясь.

Шэнь Ци осторожно сделал пару глотков прямо из его рук. Тёплая струя скользнула с кончика языка вниз по пищеводу и наконец принесла приятное тепло в желудок, немного уняв боль.

Если говорить честно, это был первый раз, когда Шэнь Шиянь заботился о ком-то. О нём самом никто никогда по-настоящему не заботился. Когда он простужался, болел или даже лежал с температурой под сорок, Шэнь Синянь просто бросал ему немного денег и велел идти в дешёвую клинику на капельницу.

Наверное, именно потому, что сам он никогда не получал такой заботы, сейчас у него нашлось немного терпения, чтобы позаботиться о Шэнь Ци.

Мальчик, прислонившийся к мягкому изголовью, был освещён тёплым жёлтым светом лампы. Левая щека мягко сияла, длинные волосы казались особенно гладкими, а кончик носа, касавшийся края кружки, слегка покраснел.

Глядя на него, Шэнь Шиянь всегда вспоминал самого себя.

— Лучше?

— Немного. Всё ещё чуть-чуть болит, но я справлюсь сам. Папочка, иди спать. Уже поздно.

Шэнь Ци всё ещё держал руку на животе, слегка надавливая. Он улыбнулся Шэнь Шияню, мягко изогнув глаза.

Шэнь Шиянь не двигался, словно проверяя, действительно ли ему стало лучше, или всматриваясь в глаза Шэнь Ци, пытаясь понять, нет ли там игры — не притворяется ли он жалким и послушным, чтобы выпросить ещё немного жалости.

Наверное, это бесконечное «папочка», которым Шэнь Ци звал его все эти дни, всё же породило в Шэнь Шияне какое-то чувство ответственности. Его грудь едва заметно поднялась и опустилась, и он почти неслышно вздохнул, ставя кружку обратно на тумбочку.

— Ложись и закрой глаза.

Никаких лишних слов утешения или заботы.

Шэнь Ци на миг почувствовал укол разочарования, но почти сразу привычно проглотил его. Он ведь и правда нарочно строил жалобный вид, надеясь, что Шэнь Шиянь пожалеет его и подарит ему целую ночь заботы и тепла.

Свет погас. Последний туманный отблеск исчез за сомкнутыми веками Шэнь Ци.

Ничего страшного, подумал он. В конце концов, он и так уже получил много заботы. Его «папочка» — всего лишь мальчишка, старше него на семь лет...

Эти беспорядочные мысли мелькали в голове, пока не исчезли без следа в тот миг, когда Шэнь Шиянь поправил на нём одеяло.

А затем, мгновение спустя, тёплая рука скользнула под край одеяла. Она мягко взяла его руку, уложила её ровно вдоль тела, а потом заменила её собственной — той, что до этого лежала у него на животе. Шэнь Шиянь начал медленно и осторожно водить ладонью по кругу, по часовой стрелке.

У Шэнь Ци и правда часто болел живот, особенно в те годы, когда он скитался. Маленькие дети и без того хрупкие. Ему приходилось есть на холодном ветру чёрствые грязные булки, а иногда — вскрытые, давно просроченные снеки, найденные, где придётся. Всё это когда-то набивало ему живот, казалось сокровищем, отгоняющим голод, но вместе с тем разъедало его слабый желудок, оставляя в нём одну дыру за другой.

Было две зимы, когда он едва не замёрз насмерть на улице.

И сейчас, в этом полусне-полубреду, чья-то рука неумолимо успокаивала его боль.

Ему казалось, будто снова зима.

Будто он сам — холодный снег, запачканный пылью в самой глубине зимы, а чья-то ладонь бережно держит его, и он медленно тает, превращаясь в чистую талую воду под весенним ветром.

Запястье Шэнь Шияня слегка заныло. Он продолжал гладить его живот до тех пор, пока Шэнь Ци не уснул.

Только тогда он убрал руку, поправил чуть вздущееся одеяло, ещё какое-то время молча смотрел на спящего Шэнь Ци, а потом тихо закрыл за собой дверь.

Он не вернулся в свою спальню, а пошёл обратно в кабинет и выдвинул ящик стола.

Перед глазами снова всплыло, как Шэнь Ци вечером старательно выводил буквы. Шэнь Шиянь посмотрел на своё имя, неуклюже написанное детской рукой на черновике, и задумался.

Сколько лет он сможет быть Шэнь Ци отцом?

Он не знал.

Но хотя бы до тех пор, пока Шэнь Вэньчжоу окончательно не умрёт и у семьи Шэнь не появится новый глава.

Ещё несколько лет, наверное.

Шэнь Шиянь вытащил верхний лист, взял ручку из подставки и поверх каракулей Шэнь Ци написал своим почерком. Два имени — своё и его.

Свет в его глазах дрогнул.

Долгое время он молчал, а потом в темноте тихо, почти жутко усмехнулся.

Он бросил ручку обратно, сунул лист с написанными именами на самое дно — словно его там никогда и не было, — выключил свет и пошёл спать.

Я оставлю его себе, — подумал Шэнь Шиянь, ложась на бок перед сном.

А потом вспомнил волосы Шэнь Ци — мягкие, но пожелтевшие на концах, его тонкие руки и ноги, кожу да кости, явное недоедание.

Он медленно закрыл глаза.

Во тьме вспыхнул образ маленького Шэнь Шияня — стоящего на коленях, с красными, распухшими, разбитыми коленями, с кровью на губах после удара ремнём Шэнь Синяня.

Я оставлю его себе.

Считай, что просто вырасту ещё раз — маленькую версию самого себя.

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17281/1617470>